

МАТЕРИАЛЫ О БЕЛИНСКОМ ИЗ АРХИВА А. Н. ПЫПИНА

Сообщение Т. У х м ы л о в о й

I

Появлению в печати известного труда А. Н. Пыпина о Белинском — первоначально в «Вестнике Европы» в 1874—1875 гг. и затем отдельной монографией 1876 г. — предшествовала, как известно, большая работа автора по собиранию источников.

В поисках документальных материалов для биографии Белинского Пыпин обращался к широкому кругу лиц, у которых, по его соображениям, должны были находиться письма критика или которые могли сообщить ценные свидетельства и воспоминания о нем. Среди этих лиц, откликнувшихся на призыв Пыпина сообщением тех или иных сведений или материалов о Белинском, находились: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Н. X. Кетчер, П. В. Анненков, К. Д. Кавелин, П. А. Ефремов, Е. И. Якушкин, М. П. Драгоманов, А. А. Бакунин, В. П. Гаевский, В. А. Крýлов, И. Н. Захарьин, Е. Ф. Корш, Д. П. Иванов, Д. А. Корсаков, М. И. Семевский, Н. И. Самойлович, А. В. Станкевич, А. Д. Галахов и многие другие.

«Мне приятно сказать, — писал Пыпин в предисловии к своему труду, — что всего больше я обязан друзьям Белинского, дорожающим его памятью, и интерес которых к моей работе послужил мне существенной опорой при ее выполнении. Другие лица, владеющие некоторыми бумагами Белинского или его друзей, также сообщили мне много важного и любопытного»¹.

Таким образом, научное предприятие Пыпина вылилось в своего рода коллективный литературно-общественный труд, в результате которого была создана широкая документальная база для изучения жизни и деятельности великого критика.

При всем своем энтузиазме в отношении к Белинскому ни сам Пыпин, ни его корреспонденты, доставившие ему материалы, не были в состоянии правильно и со всей полнотой оценить историческую роль и значение Белинского, поскольку все они стояли на позициях либерально-буржуазного просветительства. Не понимая и не разделяя политической программы русской революционной демократии, Пыпин дал либеральное истолкование общественной позиции и литературно-эстетических взглядов Белинского.

Не забывая об этой либерально-буржуазной ограниченности монографии Пыпина, следует вместе с тем признать значительность роли, которую сыграла эта книга в домарксистский период изучения Белинского. Как первый этап в создании документальной биографии великого критика, как ценнейшее собрание первопечатных публикаций, источников и материалов, труд Пыпина сохраняет свое значение для исследователей и по сей день. Представляют поэтому определенный научный интерес история создания труда Пыпина и выборочные публикации некоторых документов, присланных ему, но полностью не использованных в монографии. Эти документы, являющиеся дополнительными материалами для изучения жизни и деятельности Белинского, заимствованы из личных фондов Пыпина, хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР и Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ).

II

Одним из первых, кто откликнулся на призыв Пыпина сообщить сведения для задуманного им труда о Белинском, был П. В. Анненков. К сожалению, за период 1874—1875 гг. сохранились только письма Пыпина к Анненкову, а ответы последнего не дошли до нас, о содержании их приходится догадываться лишь по репликам Пыпина.

Дружеские отношения Белинского с Анненковым с весны 1840 г.² до последних дней великого критика, естественно, делали в глазах Пыпина очень авторитетными все сообщения Анненкова о Белинском и его окружении.

Даже Чернышевский в «Очерках гоголевского периода» писал: «в настоящей статье мы пользовались воспоминаниями, которые сообщил нам один из ближайших друзей Белинского, т. А., и потому ручаемся за совершенную точность фактов, о которых упоминаем. Мы надеемся, что интересные воспоминания г. А — а со временем сделаются известны нашей публике, и спешим предупредить читателей, что тогда наши слова окажутся не более как развитием его мыслей. За эту помощь, какую оказали нам его воспоминания при составлении настоящей статьи, мы обязаны принести здесь искреннейшую благодарность глубокоуважаемому нами г. А — у»³.

По совету Пыпина Анненков написал наиболее интересные из своих мемуаров — воспоминания о Белинском и людях сороковых годов под заглавием «Замечательное десятилетие. 1838—1848»⁴.

14 января 1874 г. Пыпин обратился о первым письмом к Анненкову. Это письмо вполне можно охарактеризовать как вступление к его труду о Белинском. Приводим его почти полностью:

«Многоуважаемый Павел Васильевич!

У меня есть к Вам большая просьба, внимание к которой с Вашей стороны я принял бы за особенное одолжение.

Я уже довольно давно возымел мысль о биографии Белинского. Скажу прежде всего, что я совершенно понимаю трудность этого дела, по многообразным отношениям; вперед знаю и то, что труд мой и не может быть полным и законченным, — тем не менее я решился за него взяться, хотя бы для того, чтобы начать дело. Если теперь еще не мало людей, некогда более или менее тесно связанных с Белинским, и его отношения с которыми еще не могут быть рассказаны вполне, — то с другой стороны, необходимо было бы сохранить живые свидетельства, какие еще могут быть собраны, сбереечь воспоминания лиц, близких с Белинским, или же вызвать их самих рассказать то, что они знают. — Прошла четверть столетия со смерти Б(елинского), а биографии его нет, и сколько я знаю, никто о ней серьезно не думал. Я решился предпринять эту работу. — Первым делом было, конечно, собрать материал, т. е., главным образом, материал письменный (печатный — известен). В последних месяцах прошлого (т. е. 1873) года я провел, с этой целью, несколько недель в Москве и собрал из разных рук довольно значительное количество переписки Б(елинского), в особенности обширную переписку с Боткиным. Довольно велик также и запас переписки Б(елинского) с другими лицами, — с друзьями 30-х и 40-х годов. Некоторые современники и близкие с ним люди сообщили мне некоторые личные воспоминания, отчасти написанные <...>

Я давно уже имел в виду обратиться и к Вашему содействию; но чтобы не обращаться к Вам с одними предложениями, я хотел сделать это, уже собравши другой запас. Теперь я отчасти владею им — и представляю Вам свою просьбу помочь мне в этом деле и тем письменным материалом, какой у Вас предполагаю, и Вашими личными воспоминаниями, и, наконец, другими указаниями и добрым советом.

Давно не видевшись с Вами, не знаю, как Вы относитесь вообще к моим работам и взглядам; но уверен в том, что каковы бы они ни были, Вы признаете за ними желание найти историческую правду, а в настоящем случае — глубоко сочувственное отношение к человеку, которого изучаю; я почти уверен и в том, что разве особенные обстоятельства могут сделать ошибочной и напрасной мою надежду на Ваше содей-

Н. Н. ТЮТЧЕВ

Фотография 1860-х гг.

Собрание Ю. Г. Оксмана. Саратов

стве, но что этому содействию никак не помешало бы (возможное, конечно) различие мнений, как мне пришлось отчасти испытать это последнее — со стороны славянофилов, которые не дали мне писем Б<елинско>го к К. Аксакову.

Независимо от этого, как вообще были бы для меня любопытны Ваши указания в этом случае, — личные отношения Ваши к Б<елинско>му, его теплое дружеское расположение к Вам, уважение его к Вашим мнениям (что я вижу из находящегося у меня материала), заставляют меня еще более дорожить этими указаниями» (ИРЛИ 5695. XXIXб 56).

Анненков, повидимому, сразу откликнулся на обращение Пыпина, так как 1 февраля 1874 г. Пыпин уже благодарит его за «доброе желание содействовать его работе» и отвечает на советы Анненкова:

«Письма Б<елинского>, того содержания, о котором Вы пишете, для меня были бы чрезвычайно интересны, так как именно об этой стороне его мнений я не имею до сих пор никаких данных, кроме печатных.

Вы совершенно правы, говоря о том, как важны для биографии разъяснения поводов, которые приводили Б<елинского> к изменению его мнений — и которые все лежали позади его статей и выражений. Я именно так это и понимал; но, к сожалению, имею далеко не столько этих разъяснений, сколько бы желал, и сколько было бы нужно».

Пыпин перечисляет имеющиеся у него письма Белинского и добавляет:

«Здесь Гончаров написал для меня особую записку (о Б<елинском> в последние годы)⁵; Кавелин пишет другую⁶, Галахов писем не имеет, но обещал разные библиографические и под<обные> указания. На этих днях буду писать к И. С. Тург<еневу>; быть может он не откажется сообщить принадлежащих ему писем Б<елинского>. Кое-что обещано.

Мне приходит мысль, которую передаю Вам только на случай, если она в какой-нибудь мере покажется Вам удобоисполнимой. Если бы случилось, что в близком времени мы не встретимся, не нашли ли бы Вы возможным сделать что-нибудь подобно

Гончарову) и Кавелину, хотя бы в виде самых простых, не требующих много времени заметок — биографических и литературных; или, если бы нашлось у Вас время и охота, не нашли ли бы Вы возможным написать заметки и такого рода, которые могли бы целиком войти в биографию, в виде свидетельств очевидца (...). В мартовской книжке „Вестника Европы“ появится, вероятно, первая статья (Жизнь Белинского) дома, до университета)”, по которой Вы увидите характер работы — это разработка материала. Здесь будет новое, т. е. неизвестное до сих пор в печати; но для определения внутренней биографии мне еще много недостает, и указания современников, как Ваши в особенности, были бы для меня существенно дороги.

В конце письма Пыпин просит Анненкова сообщать ему свои замечания, так как он надеется выпустить отдельное издание монографии о Белинском (там же).

21 февраля 1874 г. Пыпин отвечает на не дошедшее до нас письмо Анненкова с «образчиками указаний» «об интересующем его предмете» и сообщает о своих новых приобретениях: «виделся раза два, по поводу моей работы, с Чистиковым (...), которого до сих пор знал только по имени. Он оказался очень милым человеком — уже большим старцем, — и с охотой передал мне свои воспоминания о товариществе с Белинским) в университете и некоторые другие подробности».

К. Д. Кавелин) окончил свою записку, о которой я Вам упоминал в прошлом письме, и теперь ее сведения дополняет с своей стороны Н. Н. Тютчев⁹. Вскоре и эти дополнения будут готовы (...)

Вы ожидаете встретить в моей первой статье „предчувствие серьезности и значения предмета“, — но быть может статья окажется несколько иною, чем Вы предполагаете. Дело в том, что еще недавно, в „Характеристиках“¹⁰ я имел случай изложить мое общее представление о роли Белинского)го. Во введении к начинаемым теперь статьям я нашел возможным сослаться на это и приступить прямо к делу, и именно к самому фактическому делу. Свою работу я считаю и называю не иначе как „опытом“ биографии: действительно, я не считал возможным писать биографию так, как можно писать ее при массе всяких сведений, какими, напр., обладают европейские биографы о своих писателях; мне нужно было проделать те предварительные исследования, какие нужны для правильного освещения фактов, собрать наличные факты и проч. и изложить все это — конечно, в несколько сыром виде. Этот последний был неизбежен и потому, что в неизвестный доселе материал мне приходилось вводить и новые подробности из моих сведений, и определить им надлежащее место. Мне приходилось поступать так, как до сих пор приходится поступать даже с биографией Пушкина.

(...) Таким образом, я начинаю и думаю продолжать чисто фактическим изложением, не антиципируя характеристики Белинского)го и желая, напротив, чтобы она выростала с самым изложением.

(...) Я просил бы Вас продолжать хоть на письмах начатую Вами беседу о Белинском)м, о тех временах и людях. Устраняя всякие комплименты, которые не люблю, скажу Вам, что Ваши указания для меня особенно интересны, — и вот почему: другие дают мне письма (и за это — большое спасибо), но в личных сведениях и рассказах сообщают мне — фактические, так сказать, голые подробности, или совершенно общие характеристики Белинского)го за последнее время, совсем образовавшегося и установившегося — но изложить ту внутреннюю связь мнений и настроений Белинского)го, которая в особенности и составляет цель моих исканий. Вы, напротив, именно этой стороне моих исканий и можете помочь, потому что и по Вашему мнению в ней замечается смысл и интерес подобной биографии).

Далее Пыпин спрашивает об отношениях Белинского с Бакуниным и Боткиным до 1839 г. (там же).

8/20 мая 1874 г. Пыпин благодарит Анненкова за «заметки, которые очень важны для него, как живые впечатления», и сообщает: «В настоящую минуту я вступил уже в ту часть биографии, где начинается более серьезный интерес и где начинаются трудности. В июньской книге „Вестника Европы“ должна явиться 3-я глава¹¹, обнимающая приблизительно время 1834—36 гг. С этих пор я в особенности просил бы Вас быть читателем и критиком моих статей (...). С 4-й главы я совсем в открытом море, и для меня очень важно держаться в верном направлении. С 1837 года в переписке

идет уже довольно последовательно внутренняя история его развития (которая меня, главным образом, и занимает), но есть фатальные пробелы, и недостаток чисто фактических данных часто оставляет в недоумении.

Вашу переписку я имел в руках от Ник. Ник. Т<ютчева> и на-днях возвратил ему ее в полной сохранности» (там же).

26 мая 1874 г. Пыпин снова обращается к Анненкову за разъяснениями: «Несмотря на мой довольно значительный материал писем Белинского, мне не совсем ясны некоторые личные отношения; мне хотелось бы выяснитъ их себе, не для того, чтобы об них писать (многого писать еще нельзя, по разным отношениям), но „биографу нужно все знать“. Он спрашивает Анненкова опять о роли Бакунина для развития Белинского и об их взаимоотношениях, о И. П. Ключникове и др.

«Женитьба Бел<инского> — пункт опять очень деликатный, и сведения нужны только для моего собственного ведома — о прежней жизни и характере М. В. <Белинской>, пребывании в доме Лаж<ечникова> <...>, отношения Бел<инского> с Катковым, которым Бел<инский> одно время и даже долгое время (до поездки Каткова) за границу) чрезвычайно восхищался<...>, ссора Бел<инского> с Краевским) и положение в „Современнике“ — опять не для печати. В находящейся у меня переписке есть данные и для этого пункта, есть разные рассказы, есть, между прочим, самые крайние обвинения против Некрасова) (слышанные в Москве), — но все это мне хотелось бы точнее проверить.

<...> Переписки Бел<инского> у меня собралось теперь почти тома на четыре средней величины; но издание ее, я убежден в этом, еще невозможно в настоящее время — хотя и нет в ней многого, что было, вероятно, еще более любопытно и характерно, чем то; что уцелело» (там же).

23 сентября 1874 г. Пыпин писал Анненкову:

«Мне хотелось бы, во-первых, ближайших указаний о том, в чем состояло то изменение понятий у Белинского) в последнее время, — вследствие которого он, по Вашим словам, как будто склонялся к славянофильству. Эта черта кажется мне чрезвычайно интересной, и если мне придется упоминать о ней (как, вероятно, и придется), мне не хотелось бы оставаться при одном общем, голословном указании. Если бы Вы могли прибавить несколько подробностей, примеров, — это было бы для меня очень важно.

Совершенной новостью для<меня> были Ваши упоминания о роли Боткина за то же последнее время; я очень бы желал также несколько лишних подробностей об этом (т. е. о его патронстве над Белинским), его отзывах о нем, как об „исписавшемся и выдохшемся“ господине)¹². Я этого ничего не знал, и только от Вас могу теперь узнать это. — Я представлял себе эти отношения иначе. Мне казалось, что Бел<инский> оставался с ним в дружеских отношениях, и я знал только два пункта некоторого разногласия: 1) Мне рассказывали, что Боткин), по возвращении своем из-за границы (кажется, в конце 1846 или начале 1847) произвел на Бел<инского> не весьма приятное личное впечатление, так как (говорили мне) в Боткине уже сквозил взгляд на вещи, развившийся впоследствии известным образом, т. е. буржуазный или лавочнический консерватизм, и известное эпикурейство, для которого и обожаемое прежде искусство служило лишним дополнением. 2) Боткин после возникновения „Современника“, продолжал писать в „Отчественные) зап<иски>“ и Бел<инский> писал к нему известное большое письмо)¹³ <...> Затем мне казалось, что Боткин) сохранял к нему прежнее расположение — напр. помог отчасти его путешествию за границу» (там же).

24 октября 1874 г. Пыпин сообщает Анненкову об окончании VI главы биографии «Первые годы в Петербурге. 1839—1841 гг.», предназначавшейся для 12-й книжки «Вестника Европы», где дан «обильный материал переписки с Боткиным; она, т. е. статья, представляет первое время петербургской жизни Белинского) (с конца 1839 до начала 1841), когда в его мнениях совершился переход от московского идеализма к новой точке зрения. В это время и Вы зазнали Белинского), и тут в особенности мне были бы драгоценны Ваши заметки и разъяснения, потому что некоторые обстоятельства (как Вы увидите из самой статьи) были мне не совсем ясны. Если Вам не случалось иметь

в руках переписку Б<елинского> с Боткиным, то эта статья (по выпискам) должна иметь для Вас большой интерес.

Вас напрасно смутило, как Вы пишете, мое недоумение относительно славянофильства Белинского. Я очень помню п е ч а т н ы е выражения его мнений о славянофилах; но то сочувствие к их общим задачам, которому Вы как будто придаете это название, казалось мне только его разумным беспристрастием к тому, что было действительно ценного в славянофильских стремлениях. Э то мне не казалось славянофильством, но я думал, что не появилось ли в мнениях Белинского, высказываемых между друзьями, и чего-нибудь с п е ц и ф и ч е с к и славянофильского, и сюда бросилось мое недоумение, — так как известно, что именно около этого времени Белинский полемизировал, и довольно резко, с настоящими специфическими славянофилами по поводу „Моск<овских> сборников“¹⁴ etc. Ваши заметки, во всяком случае, интересны для меня объяснением того, как смотрели в кружке на эти оттенки мнений Б<елинского>.

От Некр<асова> я доселе не получил еще никакого материала, хотя он повторяет свои обещания. К сожалению, у него в Петербурге нет старых бумаг, и, между прочим, писем Б<елинского>. Как быть с этим, еще не знаю. Нынешним летом у себя дома он не был¹⁵.

Писать, как Вы можете себе представить, очень трудно; к моему прискорбию и великому затруднению, на мои ст<атьи> уже было обращено предостерегательное внимание <...> Поэтом — „читте, исправляя бога для, а не кляните“ (там же).

12 июля 1875 г. состоялось личное свидание Пыпина с Анненковым в Петербурге, как видно из писем Анненкова к Пыпину (от 8 и 10 июля 1875 г.), с назначением дня и места встречи. После разговора с Пыпиным, под его влиянием, Анненков принялся за работу над воспоминаниями «Замечательное десятилетие».

Вот что писал он по этому поводу Пыпину 29 июня/11 июля 1876 г. из Цюриха в ответ на присланное Пыпиным отдельное издание биографии Белинского:

«Под впечатлением Ваших слов, слышанных мною в Петербурге, я вздумал на досуге рассказать, что видел в промежуток 1838—1848 годов на литературной арене. Беда состоит в том, что самые важные пункты этой истории исчерпаны Вами именно в этой книжке, которую Вы прислали: мне оставалось говорить о закулисной жизни деятелей той эпохи, их минутных настроениях, даже и не помеченных в литературе ничем (отчего они — направления — и могут показаться странными и неправдоподобными), об их тогда очень горячих пререкательствах, которые теперь остыли и могут иметь вид будничных пустяков, мало любопытных для настоящего времени, занятого своими собственными пустяками. К тому же прилив старых и дорогих воспоминаний кинулся мне в голову и сообщил некоторую восторженность и запальчивость самой речи, точно она ведется о чем-то очень важном, а не о мелочах и подробностях, ни к чему не пригодных в настоящую минуту. И таким образом, исписав уже несколько тетрадей, я начинаю опасаться, не занимаюсь ли производством скорее комического, чем серьезного дела, но будущим летом — буде господь еще потерпит по грехам моим — все-таки привезу их в Петербург на показ Вам и другим добрым приятелям» (ГПБ. Архив А. Н. Пыпина).

Пыпин ответил Анненкову 17/29 июля 1876 г. одобрительным письмом:

«Мне очень приятно было прочитать в Вашем письме, что Вы решились все-таки потряхнуть стариной, и я уверен, что Вы чересчур преувеличиваете, когда находите, что в Ваших воспоминаниях может быть много „будничного“ и непригодного для настоящей минуты <...> Моя книга, конечно, ни мало этому не помешает: во всяком случае, я не был „очевидцем“ сороковых годов, а Вы были и очевидцем и действующим лицом — лишь бы только была у Вас охота, Вы можете именно придать моему или другому книжному рассказу свежесть живого воспоминания и одушевленность картины. Я бы решился сказать еще одно: мне кажется, что теперь была бы возможность говорить о том времени и людях — менее условным языком, чем говорилось доселе, и как, напр., Вы отчасти говорили в биографии Станкевича¹⁶. В то время, быть может, нельзя было иначе и писать» (ИРЛИ, 5695 б. 56).

На этом письме заканчивается переписка Пыпина с Анненковым. В заключение небезинтересно привести отрывок из письма В. П. Гаевского к Пыпину от 17 марта 1887 г. о времени сближения Анненкова с кругом «Отечественных записок»:

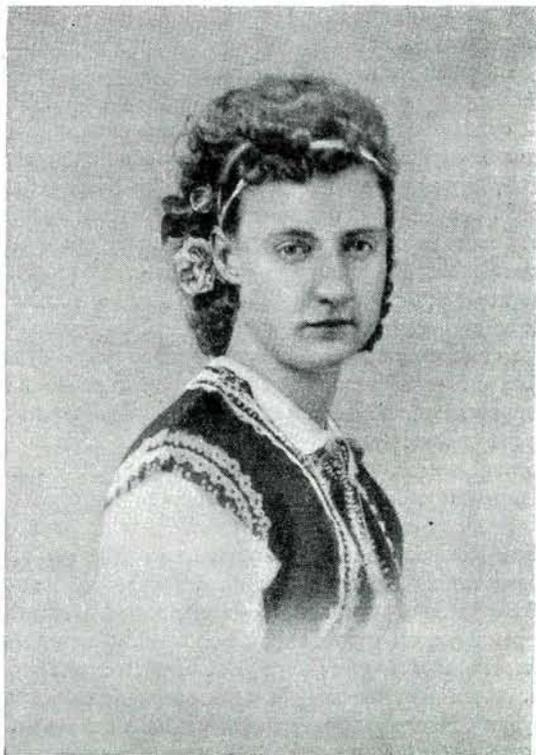
«Я не нашел в моей библиотеке того, что Вам нужно: в сильно разрозненных томах „Отечественных записок“ до 1846 года статей Анненкова не оказалось. Краевский сообщил мне следующее: он встречался с Анненковым у Дм. Федорова, директора театрального училища, и Крутицкого, служившего при театрах (при Гедеонове) по хозяйственной части.

Это было в конце 1830-х годов. Потом Анненков уехал за границу, откуда написал Белинскому письмо, доставленное им в редакцию „Отечественных записок“. Письмо понравилось, было напечатано, и Белинский написал Анненкову в Париж, чтоб он продолжал корреспонденцию. Вот ее начало и начало сближения с кружком „Отечественных записок“» (ГПБ).

III

Одним из наиболее ценных документов в архиве Пыпина является письмо к нему И. Н. Захарьина (Якунина)¹⁷ от 20 августа 1874 г., где последний передает рассказ Д. П. Иванова о смерти великого критика: «... в последние часы жизни Белинского» к нему в квартиру, ночью, явился адъютант генерала Дубельта... Умиравший Белинский был уже в бреду и без сознания; завидя гостей, он приподнялся в постели и стал говорить „речь к народу“... М^рия В^{ас}ильевна, сообщавшая этот факт г. Иванову, говорила, что эта „речь“, произнесенная в бреду и почти в предсмертной агонии, была так жгуча и увлекательна, как никогда... Она и 4-хлетняя дочь стояли у кровати... Бледен и молчалив был жандармский офицер... „Маша! растолкуй им,— они не понимают!“ проговорила умирающий, указывая на жандармов...» (ИРЛИ, ф. 250, № 500).

Описание последних минут Белинского в биографии Пыпина, из-за цензурных соображений, выглядит несравненно слабее. Из него выпал самый трагический момент

О. В. БЕЛИНСКАЯ
(В ЗАМУЖЕСТВЕ БЕНЗИ) — ДОЧЬ
КРИТИКА

Фотография, конец 1860-х—начало
1870-х гг.

Литературный музей, Москва

появления жандармов у постели умирающего: «Присутствовавшие при его смерти рассказывали, что Белинский, за несколько минут до кончины, лежавший уже в постели без сознания, вдруг быстро поднялся, с сверкавшими глазами, сделал несколько шагов по комнате, проговорил невнятными, прерывающимися словами, но с энергией, какие-то слова, обращенные к русскому народу, говорившие о любви к нему... Его поддержали, уложили в постель, и через несколько минут он умер» (Пыпин, II, стр. 332).

В том же письме Захарын сообщал Пыпину о судьбе семьи К. Г. Белинского:

«Согласно желанию Вашему, я был у Д. П. Иванова и узнал о семействе К. Г. Белинского следующее: сам он, К. Г., умер 3 года тому назад, в крайней нищете и бедности, оставив после себя жену и несколько человек детей, в Чембаре. Судьба его детей, от первого брака, была очень несчастна: трое молодых людей умерли, уже юношами, от чахотки — наследственной болезни в семействе Белинских; они умерли, не получив при жизни и к а к о г о образования: 4-й сын К. Г. (от 1-го же брака) — Митрофан К(онстантинович) в наст(оящее) вр(емя) студент Казанского ун(иверситета). Об участи 2-й жены К. Г. и ее детей г. Иванов не имеет никаких сведений; но он обещал мне написать, по этому поводу, в Чембар — на имя своего род(ственника) Сергея Ивановича Щетинина, мирового судьи, — и в Н(ижний) Ломов на имя А. Г. Кузьминой»¹⁸.

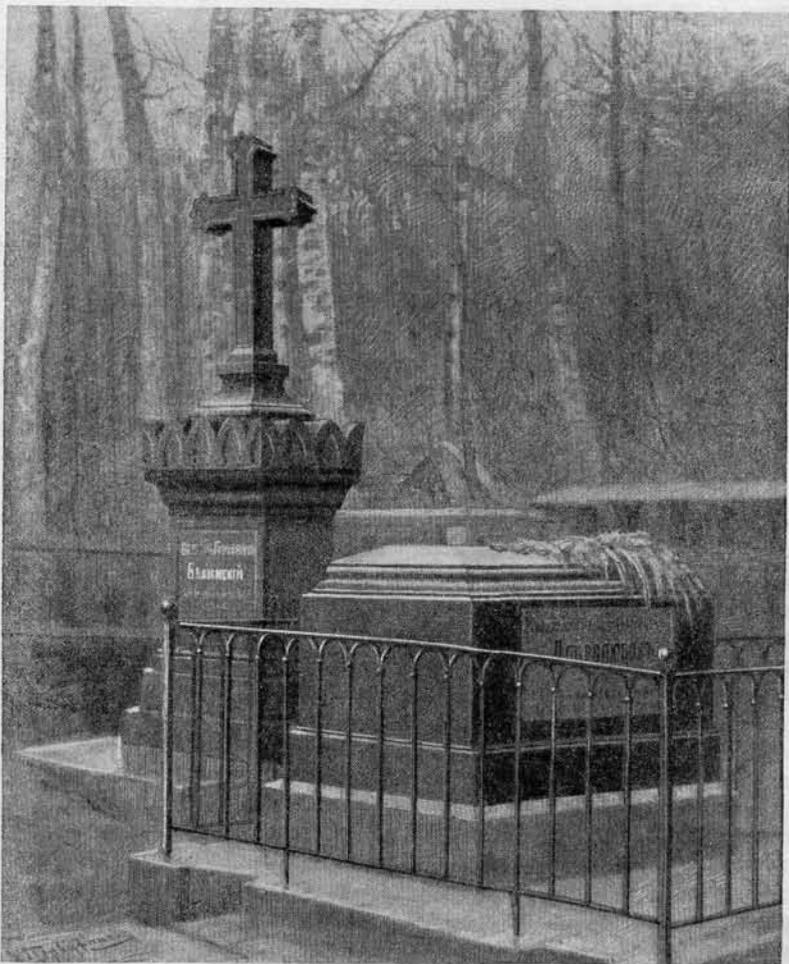
Среди корреспонденции Пыпина встречаются письма более позднего происхождения, чем его работа над биографией Белинского. Это — уже отклики на нее. Среди них не лишено известного интереса сообщение В. П. Соколова о преподавании Белинским в 1838 г. в Константиновском межевом институте¹⁹. Однако надо с большой осторожностью относиться к изложенным им фактам, во многом искажающим действительность. «Я читал <...> Вашу биографию Белинского не один раз: личность прекрасного человека, страстного проповедника истинной красоты и гуманности ярко и величественно рисовалась в моем воображении, как дивное создание природы. Я испытывал какое-то нервное возбуждение, всем и каждому рассказывал о Белинском; расспрашивал о нем у своих сослуживцев, его бывших учеников; решился поделиться с Вами тем, что узнал, хотя узнал очень мало», — так характеризовал впечатление от книги Пыпина В. П. Соколов в письме от 2 марта 1883 г. (ГПБ).

Обращаясь к этому эпизоду из жизни Белинского, Соколов пишет (в ноябре 1880 г.):

«Странно, как Белинский, имея в описываемое время некоторые средства к жизни, взялся за ненавистный ему учительский труд, взялся и не продолжил его до конца 1838/39 учебного года <...> Еще страннее дружба Белинского с таким человеком, как кн. Козловский²⁰, о котором даже официальная история Института не находит возможным сказать доброе слово. Рассказы современников — преимущественно бывших учеников Межевого института, — рисуют кн. Козловского сумасбродною и безнравственною личностью. Рассказывают, что он любил и всячески поощрял учеников-обжор, сажая их за отдельный стол и давая им по две, по три порции за-раз. В самый разгар урока он приносил в класс завернутого в сахарную бумагу вяленого зайца, — и тут же какой-нибудь патентованный обжора съедал всего зайца, а сам князь, наслаждаясь этим зрелищем, спокойно предлагал преподавателю и ученикам продолжать заниматься своим делом. Жесткие поступки кн. Козловского довели воспитанников Института до открытого бунта, и по выходе в отставку князь выезжал из Института, сопровождаемый проклятиями высунувшихся из окон учеников <...>

Рассказы учеников Белинского о нем самом очень кратки и маловажны. Воспитанники Межевого института не знали тогда, кто был Вис(сарий) Григ(орьевич), и поэтому плохо его теперь помнят. Их сообщения носят весьма противоречивый характер: „Виссарий Григорьевич, — говорил мне один пожилой землемер, — заставлял нас переключивать стихи своими словами и страсть как издевался над нашими работами. Бывало, как скажет кому: „Пожалуйста сюда! что вы это написали?“ — это значит, что он облюбовал чье-нибудь переложение для разбора пред всем классом, и тут так конфузил бедного автора, что тот рад был сквозь землю провалиться. Да, саркастический человек был В(иссарий) Г(ригорьевич), раздражительный“. Другой из учеников

Белинского, человек, славящийся феноменальной памятью и, повидимому, вполне достойный доверия, так рассказывал мне о нем: „Белинский учил нас очень недолго, и преподавание его шло ужасно скверно, — он даже редко ходил в классы. Раз как-то, помню я, задал он нам переложить басню Крылова, и почему-то очень остался недоволен нашими работами, всех нас обругал и с тех пор уже ровно ничего не стал делать. Воспитанник Мартынов²¹, большой негодяй и жулик, сильно почему-то полюбился Белинскому; Виссарион Григорьевич часто, во время своих уроков, ходил

МОГИЛЫ БЕЛИНСКОГО И ДОБРОЛЮБОВА НА ВОЛКОВОМ
КЛАДБИЩЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

Рисунок И. Первухина, 1870-е гг.

Литературный музей, Москва

с ним по зале и вел дружелюбные разговоры. Знакомство Белинского и Мартынова кончилось тем, что последний присвоил себе тетрадку стихов поэта Красова, которую Белинский дал своему приятелю на время, почитать, — и напечатал стихи, заключавшиеся в тетрадке, в каком-то журнале²².

Белинский был тогда некрасив собою <...> Он одевался в длиннейший старомодный сюртук и на шею повязывал вместо галстука большой черный платок» (ГПБ).

Надо думать, что в детском восприятии учеников Белинского его насмешки над их неудачными «произведениями» имели сильно преувеличенный характер. Директор же

Межевого института С. Т. Аксаков дал о преподавательской деятельности Белинского 31 марта 1838 г. вполне положительный отзыв²³.

Е. Ф. Корш 25 апреля 1874 г. сообщает Пыпину: «Вчера вечером приезжает ко мне <А. В.> Станкевич и говорит, что хотя он действительно застал Бел<инского> у своего брата только в 1832 г., но, судя по тому, что Бел<инский> сблизился через него с Кольцовым еще в 1831-м, можно полагать, что знакомство Н. Станкевича с Белинским началось, пожалуй, на университетской скамье. При этом А. В. Ст<анкевич> изъявил желание передать и все остальные найденные им теперь бумаги в Ваше распоряжение» (там же).

Пыпин в своей монографии отнес знакомство Белинского с Н. В. Станкевичем именно к 1831 г., повторив доводы А. В. Станкевича (Пыпин, I, стр. 77).

IV

20 февраля 1874 г. Пыпин обратился к И. С. Тургеневу, находившемуся в Париже, с просьбой выслать ему «хоть на короткое время» переписку с Белинским. «Отвечая мне, — писал он, — на могущие явиться у Вас сомнения в том, что может быть в этих письмах или несколько интим<ного>, или треб<ующего> некот<орой> осторожности, я сказал бы Вам, что Вы могли бы быть <сов>ерш<енно> спокойны в этом отношении: я сумел бы исполнить все требования деликатного отношения к предмету, тем более, что я с самого начала своей работы положил устрани<ть> из нее все личные вопросы, для обсужд<ени>я которых еще не пришло время» (ИРЛИ, ф. 250, № 267).

Тургенев немедленно откликнулся на запрос Пыпина. 2/14 марта 1874 г. он писал ему:

«Милостивый государь
Александр Николаевич!

Начинаю с извинения, что не тотчас ответил Вам — но у меня было, как говорится, хлопот полон рот. С великой охотой передам Вам письма Белинского ко мне: их, впрочем, немного, так как во все время нашего знакомства мы почти постоянно жили в одном городе. Письма эти находятся (со всей моей корреспонденцией) в Бадене. Отправляясь отсюда в Петербург в конце апреля, я должен буду ехать через Баден — и возьму там эти письма, которые привезу с собою и отдам Вам при личном свидании.

Душевно радуюсь Вашему намерению положить первое основание биографии Белинского — для этого дела Вы есть точно the right man in the right place*» (ИРЛИ, ф. 250, № 587).

9 мая 1874 г. Пыпин сообщал Анненкову: «Вчера видел Тургенева у <М. М.> Стасюлевича, — он привез мне свою долю писем, что, конечно, доставило мне большое удовольствие» (ИРЛИ, 5695, ХХIX б. 56). Воспоминания Тургенева о Белинском были написаны и напечатаны значительно раньше труда Пыпина — в 1869 г.²⁴ В заключительной главе своей книги Пыпин ответил на них, обрушившись на Тургенева за неправильную трактовку личности Белинского, а главное, за его выпады против Добролюбова и Чернышевского (имя последнего не произносилось ни Тургеневым, ни Пыпиным, но оно подразумевалось) (Пыпин, II, стр. 346—366).

Прочитав в «Вестнике Европы» первую главу из биографии Белинского Пыпина, Тургенев писал М. М. Стасюлевичу 6/18 марта 1874 г.: «Начало биографии Белинского в „Вестнике Европы“ прекрасно — скажите это от меня А. Н. Пыпину. — Он несомненно попал в тон»²⁵. Это мнение Тургенева особенно укрепилось после выхода следующих статей Пыпина о Белинском. «Я прочел статью Пыпина и, по зрелом соображении фактов, должен сознаться, что едва ли он не вернее моего взглянул на деятельность Белинского. Стало быть, полемизировать мне с ним нельзя — а скорее нужно сделать оговорку в будущем издании моих Воспоминаний», признавался Тургенев тому же Стасюлевичу 20/8 июля 1875 г.²⁶ После выхода в свет книги Пыпина Тургенев ограничился только ответом на возражения своего противника по поводу его характеристики Белинского: «А. Н. Пыпин, в известной своей биографии Белин-

* Человек, подходящий для данного дела.

ского, оспаривает мое мировоззрение на то, что я назвал неполитическим в темпераменте Белинского, — и видит в его „сдержанности“ одну неизбежную уступку особым условиям того времени. — Я готов согласиться с почтенным ученым: весьма вероятно, что оценка г-ном Пыпиным э т о й стороны характера нашего великого критика — вернее моей, о чем долгом я считаю объясниться перед читателями. Тот „огонь“, о котором я упомянул, никогда не угасал в нем, хотя не всегда мог вырваться наружу. Париж. — Сентябрь, 1879»²⁷.

Незадолго до смерти Тургенева его поверенный, А. В. Топоров, писал Пыпину 26 июля/7 августа 1883 г. из Буживаля: «Т<ургенев> просил меня отвезти его в Россию м е р т в о г о и похоронить на Волковом кладбище возле Белинского.

На это я возразил ему, что я готов исполнить его желание при жизни, но какое право я имею или буду иметь после смерти его распоряжаться, — он мне ответил, что у него уже все распоряжения сделаны и написаны.

Надо Вам сказать, что он очень слаб, плохо слышит, и говорить с ним довольно трудно»²⁸ (ГПБ. Архив Пыпина).

11 февраля 1874 г. Пыпин обратился к младшему брату М. А. Бакунина, А. А. Бакунину, с просьбой помочь ему в получении переписки Белинского с семьей Бакуниных: «Я имел случай обращаться, через г. и г-жу Петрункевич в Премухино, но, к моему большому сожалению, получил через них ответ, похожий на решит<ельный> отказ <...> Мне сказали, что письма, о которых шла речь, имеют слишком личный, интимный характер» (ИРЛИ, ф. 250, № 241).

В результате обращения Пыпина А. А. Бакунин послал ему 10 марта все хранившиеся в их семье письма Белинского со словами: «От всей души желая, чтобы Вы нашли в них, что ищете, я не сомневаюсь, что Вы сумеете выделить из этого запутанного клубка нить Белинского, не задевая — по крайней мере, резко не задевая — семьи, не имевшей ни права, ни обязанности раскрывать ее взорам посторонних» (ГПБ).

Пыпин в своей работе широко использовал письма Белинского к М. А. Бакунину, давая характеристику их взаимоотношений (Пы п и н, I, стр. 127—133, 161—203). Но по цензурным условиям он был принужден скрыть имя Бакунина под инициалами: «М. Б.», а семью его назвать «деревенскими друзьями» (т а м ж е, стр. VII).

Интересно также письмо к Пыпину его шурина П. П. Гурскалина от 13 ноября 1874 г. о посещении им, по поручению Пыпина, Д. П. Иванова и Н. Х. Кетчера: «Иванов — дряхлый, большой старик, доживающий остаток дней своих, не выходя, кажется, из халата. По наружности он напоминает отставного армейского офицера, но, поговорив с ним, тотчас виден человек других понятий. Он долгое время жил с Белинским, благоговееет перед ним и говорит, что ему одному обязан всем, что он есть, своими знаниями, своим развитием. Жалеет он очень, что в свое время ничего не записывал, а теперь многое позабыл. Факты, переданные Лажечниковым, не все верны, по его словам. Об этом он Вам напишет в подробной записке, которую готовит <...>»²⁹

О брате Белинского, Никаноре, он говорил иное, чем то, что напечатано, и даже обвиняет Виссариона в недобрых отношениях к брату. При этом случае он упомянул, что оба брата жили у профессора Московского университета Петрова, который и до сих пор профессорствует и может дать хорошие сведения об обоих Белинских (д<ействительный> с<татский> с<ветник> Павел Яковлевич Петров — Плющиха, Тишинский переулок, д. Албаженова). Он по своим убеждениям расходился с Виссарионом Белинским, но, несмотря на то, был с ним в приятельских отношениях и часто помогал в занятиях французским языком <...> Во всяком случае, говорит Иванов, я считаю святым долгом сказать все, что я помню и знаю о Белинском, и собрать от прочих родных все сведения, какие только можно. Я не умру спокойно, если не исполню этого. Что касается напечатанного Вами до сих пор, то, кроме отдельных фактов, Иванов в восторге от Ваших статей и находит, что это единственная биография в русской литературе, в которой личность писателя охарактеризована так живо, что ясно и верно представляется читателю. По крайней мере для меня, говорит Иванов, Белинский в статьях Алекс<андра> Ник<олаевича> стоит живым перед глазами» (ГПБ).

Далее Гурскалин пишет о своем посещении «старца Кетчера»: «Пишем от него не ждите, он рассчитывает передать Вам свои замечания на словах, когда Вы приедете

в Москву. Их очень немного и они так мелочны, говорит он, что писать не стоит. Когда я упомянул об Иванове, он заметил, что Иванов никогда не был знаком с Белинским, и вообще отзывается о нем немного свысока, как о лице, не заслуживающем особенного внимания для Вашего дела» (там же).

30 октября 1875 г. Д. П. Иванов сам извиняется за задержку воспоминаний и просит Пыпина обращаться к нему с вопросами.

20 ноября 1875 г. Гурскалин вновь сообщает: «Иванова я видел самого, и он отдал мне свои записки, которые теперь, вероятно, уже у Вас в руках <...> Иванов стал совсем дряхл и слаб, и сам говорит, что если Вам еще нужны от него какие-либо сведения, то торопились бы. Зато другой старец <Н. Х. Кетчер> цветущ и бодр, и его хохот попрежнему раздается на весь дом. Заметки его Вы, вероятно, также уже получили» (там же).

В начале декабря 1874 г. В. А. Крылов сообщил Пыпину о своем свидании с поэтом Фетом и об отказе последнего передать ему письма Белинского к В. П. Боткину (жена Фета — Мария Петровна — была родной сестрой Боткина): «Фет хочет продать их куда-нибудь за 25 р. и деньги послать самарцам» (письмо без даты около 5 декабря 1874 г.) (ИРЛИ, ф. 250, № 150). В ответ на это 5 декабря 1874 г. Пыпин просил Крылова купить письма. В следующем письме (без даты) Крылов передал Пыпину «смысл речи» Фета: «Я не сочувствую деятельности Пыпина и не желал бы помогать ему; а потому хочу отдать письма Каткову для напечатания в „Рус<ном> вест<нике>“ и взять 25 р. и пожертвовать их самарцам». «Я, конечно, этому не мог сочувствовать, — продолжает Крылов, — так как в печати многое не может появиться, да и вообще не знаю, можно ли дать сделать этот выбор Каткову. И потому предложил ему нейтральный путь, именно, пожертвовать письма в Публичн<ую> библиотеку, сделал их, таким образом, достоянием людей всякой окраски. Он на это согласился, но только все-таки потребовал 25 р. в пользу самарцев, которые я ему тотчас и выдал. За сим я разобрал письма по числам, прошнуровал их, и теперь пока они в моих руках с обязанностью сдать их в библиотеку».

Всех писем 11 к Боткину и одна записка маленькая к Бакунину. Относятся они к 47 году. Одно — 46 <-го>, одно — из Дрездена 47 <-го>, в июне. Некоторые довольно объемисты — листа в 3, мелко писанные. Кроме того, нашлось одно письмо к Кавелину, которое, конечно, не вошло в коллекцию, и я его обязался отдать Конст<антину> Дмитр<иевичу>, от которого, вероятно, вы его и получите» (там же).

Но Крылов не передал в Публичную библиотеку этих писем Белинского. Они все же, несмотря на нежелание Фета, попали в руки Пыпина и остались в его архиве. На письме Крылова имеется запись рукой Пыпина: «5 дек. 1874. — Был у Крылова, получил письма Белинского и взял на себя заплаченные 25 р.». О получении писем от Крылова Пыпин упомянул и в предисловии к своей книге (Пыпин, I, стр. VIII). Все эти письма были использованы им в IX и X главах его работы (Пыпин II, стр. 271—285, 296—320). Полностью они напечатаны Е. А. Ляцким («Письма», III).

В ноябре 1873 г. Е. И. Якушкин, живший в Ярославле, предложил Пыпину, через П. А. Ефремова, копии писем Кольцова к Белинскому (письмо Ефремова от 22 ноября 1873 г.). После этого предложения Пыпин переписывался с Якушкиным. 6 января 1874 г. Якушкин послал Пыпину имевшиеся у него копии с писем Кольцова к Белинскому и одновременно писал: «Письма к Грановскому должны находиться у Ал. Станкевича³⁰, с которым я более 15 лет уже не имею никаких сношений. Обширная переписка Белинского с В. П. Боткиным, по уверениям Грановского и Кетчера, была сожжена Боткиным в 1848 году, хотя последний никогда не сознавался в этом и впоследствии заявил, что они у него украдены»³¹ (ИРЛИ, ф. 250, № 239). Через публициста Н. И. Самойловича, редактора экономического и финансового отделов «Голоса», Пыпин обратился в 1873 г. к А. А. Краевскому. Последний ответил, что, просмотрев письма Белинского, он пришел к выводу, что они без его объяснений будут непонятны «и потому требуют совместного прочтения». Он предложил заехать к Пыпину (22 октября 1873 г.) и прочесть ему письма «с необходимыми пояснениями» (Письмо Н. И. Самойловича к Пыпину от 19 октября <1873 г.>.—ИРЛИ, ф. 250, № 194).

Очевидно, во время этого свидания Краевский передал письма Белинского Пыпину, который и упомянул об этом в предисловии к монографии (Пыпин, I, стр. VIII).

23 июня 1874 г. И. Н. Захарьин (Якунин) обратился к Пыпину с предложением сообщить ему о тетради с копиями стихотворений, переписанных рукой Белинского³², и о письмах критика к брату Константину 1841—1842 гг.: «Письма эти, равно и тетрадь, принадлежат мне; они подарены мне в 1862 г. Конст<антином> Гр<игорьевичем>. По всей вероятности, Вас заинтересует также и известие о пятиактной комедии В<иссариона> Г<ригорьевича> „Пятидесятилетний дядюшка“³³, шедшей в Москве

А. В. ОРЛОВА, СЕСТРА ЖЕНЫ БЕЛИНСКОГО,
АВТОР ВОСПОМИНАНИЙ О НЕМ

Фотография

Местонахождение оригинала неизвестно

в бенефис Щепкина и не вошедшей почему-то в собрание сочинений В<иссариона> Г<ригорьевича>. Мне говорил М. И. Семевский, что, видясь с Вами в Лит<ературном> фонде, он сообщил уже Вам о нахождении этих материалов в его редакции, куда они были переданы мною — до появления в „В<естнике> Е<вропы>“ Ваших статей о Белинском» (ИРЛИ, ф. 250, № 500). В письме от 28 марта 1875 г. Захарьин сообщает о передаче им тетради стихотворений М. И. Семевскому (там же).

22 марта 1875 г. И. Н. Захарьин (Якунин) сообщил Пыпину (со слов малоизвестного писателя Н. А. Чмырева) следующее:

«Несколько времени тому назад одним из московских капиталистов, — г. Мамонтовым, приобретена была от г. Глазунова его книжная фирма. Когда эту фирму перенесли в другой дом, то в старых кладовых Глазунова, между прочим книжным и всяким другим хламом, найдены два сундука, запечатые на замки, с надписями: „В е щ и

Белинского». Вещи эти, повидимому, сданы были на хранение Глазунову при отъезде Белинского в С.-Петербург в „Отечественные записки“. В одном из сундуков оказалось старое платье, белье и пр.; в другом сундуке — книги, тетради и письма». После получения этого письма Пыпин немедленно (28 марта 1875 г.) обратился к Н. И. Мамонтову с просьбой дать ему для «пересмотра» перечисленные выше вещи Белинского (там же). На это последовал 28 марта ответ Мамонтова: «За несколько времени перед продажей мне магазина А. И. Глазунов передал продажу сочинений покойного В. Г. Белинского книгопродавцу Салаеву. Так что я лично не принимал в этом деле никакого участия.

По получении же Вашего письма я немедленно обратился к А. И. Глазунову с просьбой передать мне для доставления к Вам все, какие он имеет, письма и бумаги Белинского, на что получил ответ, что у него хранятся на квартире не принятые Салаевым два ящика, отданные ему Марьей Васильевной Белинской и собственно ей принадлежащих. Присутствия писем в этих ящиках он не предполагает, так как Марья Васильевна, отдавая их, говорила, что там находится маска, снятая с покойного, и разное его платье. Во всяком случае, проверить содержащееся в них невозможно, так как они запечатаны ее именной печатью, и Глазунов вскрывать их не уполномочен. Вообще он просил Вам передать, что во все время знакомства с М. В. Белинской он никогда не видал у ней никаких бумаг покойного, и она ничего не говорила ему о них» (ИРЛИ, ф. 250, № 164).

В тот же день, 28 марта, Захарьин писал Пыпину: «В настоящее время я имею возможность сообщить Вам более обстоятельные сведения о ящиках Белинского, найденных в кладовых бывшей фирмы Глазунова. Вещи эти — маска, портреты, платье и тетради Белинского — сданы были М. В. Белинской А. И. Глазунову при ее отъезде в Корфу. Г. Глазунов, передавая свою фирму Мамонтову, обращался в Корфу, к Марье Васильевне, с просьбой — принять от него эти ящики обратно, но ответа не получил. Он пытался передать вещи Белинского в магазин Салаева, но г. Салаев этих вещей не принял, и, таким образом, они попали в руки г. Мамонтова».

Дальнейшая судьба этих сундуков так и осталась неизвестной.

Среди прочих корреспондентов Пыпина встречаются имена М. А. Веневитинова, А. Д. Галахова, М. П. Драгоманова, П. А. Ефремова и К. Д. Кавелина.

М. А. Веневитинов передал Пыпину переписку «славянофилов и других лиц» со своим отцом А. В. Веневитиновым (письмо без даты <1875 г.> — ГПБ). А. Д. Галахов доставил Пыпину копии трех писем Белинского к П. Н. Кудрявцеву и заметки, полученные им от П. Колосова о сотрудничестве Белинского в «Московском наблюдателе» и «Отечественных записках» в 1839 г. (письмо от 10 июня 1875 г.) (ИРЛИ, ф. 250, № 132). При помощи М. П. Драгоманова Пыпин получил какое-то письмо Белинского (ГПБ).

Из пяти писем К. Д. Кавелина к Пыпину три были опубликованы в 1925 г.³⁴ Остальные два не представляют особенного интереса. 18 мая 1873 г. Кавелин сообщал о предстоящем получении писем Белинского от А. В. Станкевича через Е. Ф. Корша и о нежелании Н. Х. Кетчера предоставить свой архив. 5 октября 1884 г. он извещал об обеде у Кавелина по поводу 50-летия «Литературных мечтаний». Это предложение испугало А. Д. Галахова, Я. К. Грота и М. И. Сухомлинова. Краевский выразил свое согласие участвовать в нем, а И. А. Гончаров поставил условие, чтобы не был приглашен Д. В. Григорович (там же).

В декабре 1894 г. Пыпин пожертвовал в Радищевский музей в Саратове гипсовую маску Белинского, подаренную ему И. А. Гончаровым «около 1875 г.» со следующим письмом: «Эта маска, относящаяся именно ко времени смерти Белинского, составляет теперь большую редкость, и я полагал, что ее наилучшее помещение не в частных руках, а в общественном учреждении: в Радищевском музее она могла бы найти место наряду с вещами, принадлежавшими другому знаменитому писателю — Тургеневу, который был великим почитателем Белинского и посвятил ему теплые страницы в своих воспоминаниях.

Такие слепки высоко ценятся художниками, так как для скульптурного исполнения бюста они представляют самый существенный материал <...>. Кроме того, к

письму была приложена визитная карточка Гончарова с надписью: «Ив(ан) А(лександрович) Г(ончаров) поздравляет Александра Николаевича с новым годом и представляет следующую ему по всем правам маску Белинского (Моховая, 3)» (ИРЛИ, ф. 250, № 261).

Уроженец Саратова, Пыпин был большим патриотом своего города. Ему принадлежат две статьи о Саратовском музее³⁵.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, т. I, СПб., 1876, стр. VII.

² См. «Письма», II, 133.

³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, М., Гослитиздат, 1947, стр. 210.

⁴ Впервые напечатаны в «Вестнике Европы», 1880, №№ 1—5. Вошли в кн.: П. В. Анненков. Литературные воспоминания, М.—Л., «Academia», 1928.

⁵ О ней см. «Лит. наследство», т. 56, стр. 257—264.

⁶ Там же.

⁷ В мартовской книжке «Вестника Европы» за 1874 г. появилась первая глава труда Пыпина: «Детство и юношеские годы».

⁸ Речь идет о Михаиле Борисовиче Чистякове. См. о нем «Лит. наследство», т. 56, стр. 436. Пыпин использовал воспоминания П. Прозорова («Белинский и Московский университет в его время»), в которых упоминается имя М. Б. Чистякова (Пыпин, 1876, т. I, стр. 48—51).

⁹ Воспоминания Н. Н. Тютчева впервые опубликованы в «Письмах» Белинского, СПб., 1914, т. III, стр. 444—451.

¹⁰ «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов», СПб., 1873. Отдельные главы печатались в «Вестнике Европы» за 1872—1873 гг.

¹¹ В июньской книжке «Вестника Европы» появилась третья глава труда Пыпина: «Кружок Станкевича. „Телескоп“».

¹² См. «Лит. наследство», т. 56, стр. 194.

¹³ Пыпин имеет в виду письмо Белинского к Боткину от 4—8 ноября 1847 г. («Письма», II, 266—288).

¹⁴ Белинский выступал против «Московского ученого сборника на 1847 год» в статье «Ответ „Москвитянину“» (XI, 1—46). См. также сборник «Белинский. Статьи и материалы», Л., 1949, стр. 11—39.

¹⁵ Некрасов так ничего и не предоставил Пыпину из своих бумаг. Письма Белинского к нему не дошли до нас.

¹⁶ П. В. Анненков. Н. В. Станкевич, М., 1857.

¹⁷ Ср. в настоящем томе, стр. 279—282.

¹⁸ См. еще настоящий том, стр. 285—286.

¹⁹ Виктор Петрович Соколов — автор воспоминаний о В. М. Гаршине, бывший воспитанник Межевого института (окончил его в 1877 г.). Под влиянием книги Пыпина принялся собирать сведения о деятельности Белинского в Межевом институте. «Юный читатель, — пишет о себе Соколов, — сообщил Пыпину краткое известие о Белинском, со слов одного почтенного человека, бывшего ученика знаменитого критика» («Исторический вестник», 1916, № 4, стр. 154).

Белинский преподавал в Константиновском межевом институте русский язык (в двух старших классах) с 10 марта по 1 ноября 1838 г. (В. Якушкин. Новые материалы для биографии В. Г. Белинского. — «Русская старина», 1900, № 5, стр. 417—422).

²⁰ Павел Дмитриевич Козловский, кн., отставной прапорщик, был инспектором Межевого института с осени 1836 по осень 1838 гг. (см. А. Апухтин. Очерк истории Константиновского Межевого института, СПб., 1879, стр. 44 и 51). Белинский познакомился с ним не позже середины 1837 г. (первое упоминание о нем в письме к Бакунину от 15—21 ноября 1837 г. — «Письма», I, 161). О доброте Козловского и дружбе с ним Белинский постоянно упоминает в своих письмах 1838 г. («Письма», I, 180, 188, 214). Дружеские отношения между ними сохранились надолго. В апреле—июне 1841 г. Козловский гостил у Белинского в Петербурге («Письма», II, 238, 242—243, 253). И. И. Панаев писал в «Литературных воспоминаниях» (М.—Л., «Academia», 1928, стр. 411): «... Белинский привязывал к себе не только людей мыслящих, вполне понимавших его и разумно ему сочувствовавших, но и людей самых не хитрых, не имевших никакого понятия об отвлеченных предметах <...> К нему привязался некто князь Козловский, человек очень слабый духом, но геркулес по физической силе: он ломал кочерги, свертывал в трубку целковые и тому подобное... Князь Козловский ухаживал за Белинским во время пребывания своего в Петербурге, как нянька за ребенком, и всякий день на столе Белинского появлялись какие-нибудь сюрпризы: то окорок ветчины, то какая-нибудь необыкновенная колбаса, то бутылка бургонского.

Князь Козловский отправился потом в Крым вместе с князем А. Н. Голицыным, который и умер на его руках. Голицын завещал ему кое-какие вещи, и Козловский, возвратившись в Петербург, все их раздал Белинскому и его друзьям.

Козловскому принадлежал портрет Белинского работы Н. Мартынова, 1838 г. (см. наст. том, стр. 374).

²¹ Николай Мартынов. См. о нем в наст. томе, стр. 374. О похищении Мартыновым стихов Красова Белинский сообщал дважды И. И. Панаеву (22 и 25 февраля 1839 г.): «... у меня украдена учеником Межевого института, неким М., тетрадь стихов Красова и попала в руки Сенковского, который и распоряжается ею, как своею собственностью» («Письма», I, 314 и 315).

²² Стихотворения Красова были напечатаны О. И. Сенковским в «Библиотеке для чтения» за 1839 г. (т. XXXII, кн. 1 и 2). В первом случае он поставил под ними имя Бернета, незначительного поэта того времени. Во втором — напечатал их как произведения неизвестного автора с примечанием, в котором было сказано, что редакция «получила в прошедшем году тетрадь прекрасных стихотворений без подписи» (кн. 2, стр. 55). На эту тему Белинский выступил даже в печати. В статье «Русские журналы» («Московский наблюдатель», 1839, № 3) он писал: «у нас была тетрадь его [Красова] стихов (единственный экземпляр), и мы были уполномочены поэтом брать из нее что нам угодно <...> Вдруг редакция „Наблюдателя“ потеряла эту тетрадь, единственный список стихотворений, писанных в продолжение нескольких лет. Вероятно, тот, кому тетрадь попала в руки, переслал ее в редакцию „Библиотеки“ (IV, 213—214). А в «Журнальной заметке» («Московский наблюдатель», 1839, № 2) Белинский упоминает об одном стихотворении Красова, напечатанном в № 1 «Библиотеки для чтения», и, отводя подозрения в плагиате от поэта Бернета, добавляет: «Скорее всего, это дело „Библиотеки“, которая никогда не стесняла себя законами собственности, когда дело шло о чужих статьях» (IV, 123).

²³ «...оказал отличные способности к преподаванию» («Русская старина», 1900, апрель, стр. 418). См. также «Лит. наследство», т. 56, стр. 115—116.

²⁴ «Вестник Европы», 1869, апрель, стр. 695—729.

²⁵ «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», СПб., 1912, т. III, стр. 39.

²⁶ Там же, стр. 57.

²⁷ Прибавления к «Воспоминаниям о Белинском». — И. С. Тургенев. Соч., т. XII, М.—Л., ГИЗ, 1934, стр. 431.

²⁸ См. в настоящем томе, стр. 322—325 подробности, связанные с выполнением предсмертного желания Тургенева.

²⁹ Иванов имеет в виду воспоминания И. И. Лажечникова о Белинском, опубликованные в «Московском вестнике», 1859, XVII. В своих «Сообщениях при чтении биографии В. Г. Белинского» (А. Н. Пыпина), датированных ноябрем 1875 г. («Письма», III, 404—420), Иванов возражает Лажечникову по поводу характеристики гимназического периода жизни Белинского.

³⁰ Письма Белинского к Грановскому до нас не дошли.

³¹ В пыпинском собрании писем Белинского, положенном в основу издания писем критика под ред. Е. А. Ляцкого (1914), было всего 65 писем к В. П. Боткину.

³² Об этой тетради см. в настоящем томе, стр. 285.

³³ «Пятидесятилетний дядюшка, или странная болезнь. Драма в пяти действиях». Впервые была опубликована с пред. А. С. Полякова в 1923 г. (Пг., изд-во «Путь к знанию»).

³⁴ Письма К. Д. Кавелина к Пыпину от 22 апреля 1873 г., 9 августа 1875 г. и без даты (1875 г.) напечатаны в сб. «Из переписки деятелей Академии Наук», Л., 1925, стр. 73—76.

³⁵ «„Радищевский музей“ А. П. Боголюбова» («Вестник Европы», 1881, I, стр. 411—421) и «Открытие Радищевского музея» («Вестник Европы», 1885, VIII, стр. 836—844). См. также заметку Г. Кожевникова «Портрет, посмертная маска и карандаш В. Г. Белинского» — газ. «Коммунист», Саратов, 1948, № 107 от 30 мая.